
НОВЫЙ ФОРМАТ

Н.А. РОГАЧЕВА¹

Тюменский государственный университет

А.О. ДРОЗДОВА²

Тюменский государственный университет

В.В. ПЕТРОВ³

Тюменский государственный университет

АЛГОРИТМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ ФИКРАЙТЕРОВ⁴

В статье рассматриваются алгоритмы интерпретации романа Ф.М. Достоевского в русскоязычных и англоязычных читательских онлайн-сообществах. На основе сопоставительного анализа фанфикшн-текстов и первоисточника выделяются культурно и лингвистически обусловленные варианты интерпретации русского классического текста. Англоязычные читатели Достоевского конвертируют произведение с помощью жанровых формул массовой литературы. В русскоязычном сообществе главным механизмом конвертации «Преступления и наказания» является контаминация первоисточника и других произведений русской классики. Фикрайтеры воспринимают роман Достоевского как произведение европейской классики, открытое для создания выказывания-интерпретации в рамках иной художественной традиции.

Ключевые слова: фанфикшн, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, интерпретация, сетевая словесность

---

¹ Наталья Александровна Рогачева, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

² Анастасия Олеговна Дроздова, студент магистратуры Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, an.o.droz@gmail.com

³ Владимир Владимирович Петров, студент магистратуры Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, petrov.v.1337@gmail.com

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00127

N.A. ROGACHEVA

Tyumen State University

A.O. DROZDOVA

Tyumen State University

V.V. PETROV

Tyumen State University

ALGORITHMS OF INTERPRETATION OF DOSTOEVSKY'S NOVEL CRIME AND PUNISHMENT IN RUSSIAN-SPEAKING AND ENGLISH-SPEAKING FICWRITERS' COMMUNITIES

The article is devoted to the study of interpretation algorithms of F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* in Russian-speaking and English-speaking online readers communities. The comparative analysis of fan works and the source text allows highlighting the ways of the Russian classical text interpretation, influenced by culture and language. English-speaking readers of Dostoevsky convert the source text by the genre formulas of the mass literature. In the Russian-speaking fan community, the main mechanism of converting *Crime and Punishment* is a combination the original source with the other Russian classical works. The ficwriters perceive Dostoevsky's novel as a text of European classics open for creation of text-interpretation within the frameworks of different artistic tradition.

Keywords: fanfiction, F.M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*, interpretation, digital literature

Фанфикшн как форма освоения русской классики

Русская классика активно осваивается современной массовой культурой: создаются переложения и ремейки, отражающие «новые прочтения» литературных произведений [Черняк, 2009, с. 139]. Одним из распространенных видов трансформации классических текстов в цифровой среде является фанфикшн-словесность. В отличие от профессиональных писателей, создатели фанфикшн (фикрайтеры) идентифицируют себя как активных читателей. Они делятся своим творчеством на онлайн-площадках, где обсуждают первоисточник с другими фикрайтерами «в процессе чтения и письма» [Самутина, 2013, с. 154]. Как отмечает Brown Thomas, фанатские произведения раскрывают уже существующий художественный мир в новом, иногда неожиданном, направлении [Thomas, 2011, с. 1]: читатели могут создавать оригинальные истории о любимом персонаже, дописывать

или перестраивать сюжет первоисточника [Barnes, 2015, с. 72]. Louisa Stein и Kristina Busse подчеркивают, что фанатский эксперимент с популярным текстом происходит с учетом различных ограничений, в числе которых – повествовательные возможности самого текста-первоисточника [Stein, Busse, 2009, с. 196]. В числе других факторов, определяющих характер адаптации классического текста в цифровой словесности, исследователи называют национальную или языковую принадлежность фандома.

В интернациональном корпусе фанфиков по мотивам русской литературы архив текстов, написанных на основе произведений Ф.М. Достоевского и, в частности, романа «Преступление и наказание», занимает центральное место. С одной стороны, разделение глобального фанатского сообщества на «русскоязычных» и «англоязычных» читателей Достоевского является условным: так, англоязычный фандом состоит не только из носителей английского языка, но и из читателей, для которых английский язык не является родным. С другой стороны, такая классификация позволяет проследить закономерности интерпретации первоисточника, связанные с культурной, языковой традицией [Morimoto, Chin, 2017, с. 175]. В сообществах «Archive for our own» и «Fanfiction.net» трансформируется пять произведений Достоевского: «Преступление и наказание» (60 вхождений), «Братья Карамазовы» (26 вхождений), «Идиот» (23 вхождения), «Бесы» (17 вхождений) и «Записки из подполья» (2 вхождения)¹. Отметим, что англоязычных фикрайтеров привлекают тексты, уже интерпретированные в кинематографе или комиксах. Русскоязычные фанфики по мотивам «Преступления и наказания» размещены на фанатском портале «Книга Фанфиков» (ficbook.net) (185 текстов). В отличие от англоязычного корпуса, в русскоязычном сетевом пространстве представлено 14 произведений Достоевского, в том числе и рассказы (всего 338 фанфиков).

Цель нашего исследования – сформировать представление о закономерностях интерпретации романа «Преступление и наказание» в русскоязычных и англоязычных фанфикшн-текстах. Национально обусловленные стратегии интерпретации классики отражаются в актуализации образов как «фактов воображаемого бытия» [Роднянская, 2001, стлб. 671] и мотивов как «компонентов произведения, обладающих повышенной значимостью» [Хализов 2000: 266]. Анализ образно-мотивной структуры классического текста и его фанфикшн-вариантов позволит выделить жанровые модификации, соотносящиеся с несколькими версиями события в романе.

---

¹ Число фанфиков русскоязычного и англоязычного фандома приводится на 07.03.2019

*Трансформации романа «Преступление и наказание» в
англоязычных сообществах: жанровые особенности*

В англоязычном сообществе фикрайтеры используют жанровые формулы массовой литературы для конвертации «Преступления и наказания»: детектив, травелог, любовный и готический роман (литература ужасов).

Как и в первоисточнике, в фанфиках распространенным является мотив разыскания, поиска, который, наряду с преступлением и его раскрытием [Cawelti, 1977, с. 142], является важной частью формулы детектива. Если в детективе герои разыскивают преступника, то в детективных фанфиках на основе «Преступления и наказания» персонажи заняты поисками истинных мотивов поведения своих возлюбленных. Цель поисков – признание в запретной любви. Такой сюжет воплощен в гомоэротических фанфиках (*слэш*) о любви Раскольникова и Разумихина. В рамках классического фандома слэш функционирует и как специфичный для фанатской словесности жанр [Jenkins, 1992, с. 203], и как важная для конвертации романа повествовательная стратегия, которая предполагает изображение «кризиса коммуникации» как конфликта произведения [Jenkins, 1992, с. 211]. Например, в фанфике «Normalcy» (stavroginova) Разумихин пытается разгадать причину грусти Раскольникова, которая причиняет страдания влюбленному персонажу: «Dmitri put all his hope and faith in humanity into the smile he sent Rodya, even if he couldn't see it cause he was too busy staring into space» («Дмитрий вложил всю свою веру и надежду на человечество в улыбку, которую он послал Роде – пусть даже тот её и не мог увидеть, потому что был занят тем, что глядел в пустоту»)¹. Диалог Раскольникова и Разумихина в фанфиках чаще всего завершается неудачей персонажа-детектива, которому, однако, даются «улики», намеки на причину уныния возлюбленного: «There's something sitting in me and I don't know if I can be helped» («Что-то сидит во мне, и я не знаю, можно ли мне помочь») («Normalcy»). Сюжет о детективе-пострадавшем, отсутствующий в оригинальном тексте, в фанфикшн возникает как естественная трансформация повествовательной модели романа Достоевского. В первоисточнике адресатом «спасительной» идеи Раскольникова оказывается всё «человечество», но при этом большинство персонажей являются возможными жертвами его «идеи». Фикрайтеры видят в Разумихине одного из потенциальных персонажей-идеологов, который мог бы опровергнуть теорию Раскольникова, предложив альтернативную модель мироустройства, основанную на любви и сочувствии.

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

В детективных фанфиках читатели акцентируют психологическую мотивировку героя-преступника. Так, с образом Раскольникова в англоязычных фанатских текстах связан мотив болезни. В романе Достоевского «болезнь» изначально возникает как ложная предпосылка действий Раскольникова (ср. «– Я не болен! – вскричал Раскольников» [Достоевский, 2008, с. 128]), но в финале «диагностируется» как действительно существующий духовный недуг (ср. «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве...» [с. 446]). Участие Разумихина в ходе «болезни» Раскольникова интерпретируется англоязычными фикрайтерами как попытка «вылечить» персонажа. При этом обыденное и метафизическое значения «болезни» в любительских текстах совмещаются. В фанфикшн болезнь преступника, с одной стороны, мешает диалогу персонажей, но, с другой стороны, позволяет Раскольникову рассказать о своей любви («Not without you» data_jpg, «The Bear Man» windfallswest и др.). В фанфиках диалогическое решение конфликта противопоставляется замкнутости «большого» сознания.

В детективе герой обладает особым восприятием, которое позволяет ему эффективно расследовать дело (например, читатель находит интересным необыкновенное восприятие детектива Пуаро [Cawelti, 1977, с. 112]). В фанфиках на основе «Преступления и наказания» читатели-писатели трансформируют в детективном ключе мотив соглядатайства, присутствующий в первоисточнике: герой-детектив, наблюдая за возлюбленным, ищет скрытые причины его поступков. Разумихин в любительских текстах и «слеп от любви», и, как детектив, слеп от того, что не знает конца истории. Например, когда Раскольников рассказывает о своей идее, зрение Разумихина замутняется: «He stepped away from his friend and tried to look him in the eye. In the meantime the candle went out completely» («Он отшагнул от своего друга и попытался посмотреть в его глаза. Тем временем свеча полностью погасла») («Quiet hours», stavroginova). Мотив соглядатайства позволяет фикрайтерам сопоставить Раскольникова, Разумихина и Свидригайлова. Герои ослеплены идеей («Something not natural, something against human nature...») («Что-то неестественное, что-то, противоречащее человеческой природе...»); «Traps», stavroginova), но сама «идея» лишается какой бы то ни было определенности, может оказаться эротической, анекдотической, социальной и т.п. Переворачивание «высокой» мотивировки возможного идеолога в фанфиках разворачивается в духе «карнавального мироощущения» [Бахтин 2002, Т.6, с. 121].

Другая жанровая стратегия фикрайтеров – использование формулы любовного, рыцарского романа: взаимоотношения между Раскольниковым и Сонечкой описываются как образец высокой

христианской любви. В отличие от детективных фанфиков, где Разумихин, будучи одержимым «запретной любовью», выслеживает Раскольникова или преследует его, в фанфиках о Сонечке героиня находится за границами времени и пространства, доступными Раскольникову. В фанфиках Раскольников-рыцарь вечно ждет возлюбленную (ср. «Raskolnikov replied that he was waiting for Sonia to come. Raskolnikov waited and waited. She never came» («Раскольников отвечал, что ждет Сою. Раскольников ждал и ждал. Она никогда не придет.») («Seven Years»)) – «Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения» [с. 59]). Идеал высокой любви в восприятии фикрайтеров связан с образом рыцаря – платонического поклонника Прекрасной дамы. Так, герой не может жениться на Сонечке в фанфике «Waldeinsamkeit» («Raskolnikov will ask your hand in marriage...» («Раскольников просит вашу руку...»)); на больной дочери хозяйки дома (фанфик «The Road to Hell» zelempa). Мотив нереализованной женитьбы в фанфиках на основе «Преступления и наказания» связывает роман-первоисточник с другим произведением Достоевского – романом «Бесы», историей о Хромоножке и о потенциальном двойнике Раскольникова Николае Ставрогине. Сорванная женитьба как фанатский вариант финала «Преступления и наказания» также может быть мотивированна незавершенной инициацией персонажа в тексте-первоисточнике. Неслучайно в фанфиках вербализованная, высказанная идея равноценна по своему результату действию. Вынужденное повторение героем любовного признания в фанфике «Quiet Hours» отсылает к жесту Раскольникова в романе-первоисточнике, когда Сонечка просит героя в качестве раскаяния сказать перед «всем миром: «Я убийца!»» [с. 430]. В рецепции англоязычных фикрайтеров инициация героев романа «Преступление и наказание» происходит через повторение действий и одновременную их вербализацию.

Третью группу англоязычных фанфиков по «Преступлению и наказанию» составляют истории о возможном путешествии героев Достоевского. В фанфиках поездка за границу или странствия Раскольникова являются следствием его преступления («Look for America» Histofan, «The Nerd's Tale & Punishment» alphanecten, «Hot Cinnamon Sunset» ColdWarSaint). В первоисточнике поездка Раскольникова в Сибирь – путешествие к месту земного «перерождения». Целью возможного путешествия героев произведения Достоевского оказывается и Америка, о которой размышляет в начале романа Раскольников («Лучше совсем бежать... далеко... в Америку, и наплевать на них!» [с. 107]). Путешествием «в Америку» [с. 408] называет Свидригайлов собственное самоубийство. Совместное путешествие Дуни, Свидригайлова, Раскольникова и Разумихина в Америку в фанфике «Look for America» (Histofan)

является альтернативным финалом романа: в фанфике повествуется о спасении героя-преступника и его двойника. В литературном кроссвере «The Nerd's Tale & Punishment» (alphanocten) Оскар Уао («The Brief Wondrous Life of Oscar Wao» Хунота Диоса) и героиня антиутопии «Рассказ служанки» (автор Маргарет Этвуд), как и Родион Раскольников, отправляются в вынужденное путешествие – совершают побег. В фанфике Раскольников оказывается чужаком в среде других персонажей-изгнанников («He emphasizes the “Oscar” with his accent»; «A Russian? How the hell did a Commie get here?» («Он произнес «Оскар» с характерным акцентом»; «Русский? Как, черт возьми, коммунист очутился здесь?»)). Мотив путешествия позволяет воссоздать ситуацию диалога персонажей, являющихся представителями разных культур. Переосмысляя финал романа Достоевского, фикрайтеры сдвигают социальный и религиозный конфликт в область социально-политического и национального столкновения персонажей.

Существенно реже фикрайтеры трансформируют «Преступление и наказание» по законам готического романа (литературы ужасов). Так, в фанфике «Hot Cinnamon Sunset» (ColdWarSaint) образно-мотивная структура романа Достоевского вписывается в рамки истории о путешествии Виктора Франкенштейна. Конструирование фантастического сюжета обосновано наличием элементов мистики в текстах-первоисточниках. Во-первых, в романе «Преступление и наказание» присутствует образ таинственного вуайера, наблюдающего за Раскольниковым. В готическом варианте произведения этот образ трансформируется: наблюдателем оказывается Франкенштейн, который следит за героем Достоевского; двойником Франкенштейна в фанфике является чудовище-соглядатай. Во-вторых, безумие как один из мотивов, характерных для готического романа, является связующим компонентом фанатского кроссвера: «He would be haunted by the those beautiful dark eyes and their gleaming madness as he had been haunted by his desires to create life from decaying» («Эти прекрасные темные глаза и их мерцающее безумие будут преследовать его также, как и его желание вдохнуть в разложение жизнь»). В рамках «полифонического художественного мышления» [Бахтин, 2002, Т.6, с. 7] фикрайтеры воспроизводят готический концепт «странного». К примеру, персонажи наделяются андрогинными чертами, описание их внешности с точки зрения собеседника эротизировано. Эксперимент, заключающийся в совмещении нескольких образных систем, позволяет фикрайтерам эксплицировать событие романа Достоевского: теория Раскольникова обращается на самого героя, поскольку он оказывается объектом «странного» потустороннего (художественного) замысла.

Трансформации романа «Преступление и наказание» в русскоязычных фанфиках: классика и фольклор

Русскоязычные фикрайтеры, конвертирующие роман Достоевского, не столько обращаются к жанрам массовой культуры, сколько используют сюжеты других классических произведений и включают в свой текст фольклорные образы и мотивы.

В фанатских текстах роман «Преступление и наказание» сопоставляется с другими произведениями Достоевского, в которых присутствует мотив самоубийства. Этот мотив воплощен в фанфиках, где конструируется пространство для диалога двух не разговаривающих в первоисточнике персонажей или персонажей-идеологов, потенциально влюбленных друг в друга. Самоидентификация Раскольникова как «мертвеца» (в физическом и метафизическом смысле) подменяется инициацией героя как возлюбленного (Разумихина или Сонечки). Потусторонний мир любви-смерти, в который переходят влюбленные, подчеркнуто монологичен: «И Плевать, Что Подумают Люди!» Пронеслось в голове у парней» (автор АтосФИЕРИЧНО). Мотив самоубийства в фанфиках связан с образами двойника (в фанфике «Смерть Иуды» (YourMay) Раскольников цитирует поэму Есенина «Черный человек»), неба, которое наблюдает за самоубийцей («Искупить», ostarchuki, черной, отравленной воды («Пуговичка», SnowStar). Герой-преступник, в фанфиках решившийся на самоубийство, признает свою вину. Как и для персонажей фанфиков, для героев-идеологов Достоевского суицид – приговор самому себе (Ставрогин в «Бесах», Свидригайлов в «Преступлении и наказании»), радикальное доказательство идеи атеиста или верующего (Кириллов в «Бесах», героини рассказа «Два самоубийства», Лиза как потенциальная самоубийца в «Братьях Карамазовых», Ипполит в «Идиоте»).

Фикрайтеры трансформируют ключевые для произведений Достоевского образы мечтателя и «униженного» человека, подчеркивая, что детская мечтательность спасает от самоубийства. Например, описывается мечта Раскольникова об ирреальном пространстве детства: «Мир был моим в смысле близости и родства» («До первого поезда», Ай да сукин сын). Для авторов-читателей главная функция героя заключается в конструировании замкнутого и монологичного мира. Персонаж-мечтатель отождествляет себя с «мертвецом», который не может существовать в полифоническом пространстве живых людей («Как будто друг его специально отгораживается от мира вокруг, от города, от него» («Каюсь, грешен!», Блокнот)). Русскоязычные фикрайтеры актуализируют присутствующее в первоисточниках типологическое сходство «мечтателя» и «униженного человека». Контаминация сюжета «Бесов», «Преступления и наказания» и других русских классических романов, объединенных типом «униженного человека», одинокого персонажа в толпе, представлена в фанфике «Последний, кто будет ждать тебя» (автор lovenassiz), где больной дворянин

Печорин выступает в роли Ставрогина, создает тайное общество и использует героя-мечтателя Раскольникова как свое идеологическое орудие. В фанфиках идея героя-мечтателя не преобразуется или отвергается, а находит доказательство в созданном им мире фантазии.

Фантазийный мир персонажей Достоевского воспринимается русскоязычными читателями через призму гоголевской гротескной образности и абсурда. В частности, в фанфиках категории слэш «переворачивается» инициация преступника Раскольникова. Влюбленный Разумихин видит в герое не убийцу, а гения: «...ты, Родька, для меня человек совершенно в своём виде удивительный» («Вдоль бульвара», Tsesurment). «Мнимая» инициация через наименование объекта или субъекта является одним из юмористических приемов Гоголя (например, именованье беседки Манилова «храмом» в «Мертвых душах»). Фикрайтеры используют гоголевский прием «перевода духовного, человеческого в более низкую, животную сферу» [Манн, 1996, с. 135]: они соединяют в образах Разумихина или Раскольникова черты ребёнка («Это имя же совершенно детское» («Вдоль бульвара»), «...Двинулся ближе и поцеловал друга <...> как-то по-детски» («Как Разумихин Раскольникова лечил. Любовью», pidoromashkin)) и животного («боясь сделать непоправимую ошибку, сглупив, поддавшись животным желанием» («Каюсь, грешен!«)). Усиление гротескного начала в фанфиках свидетельствует о том, что на интерпретацию романа Достоевского влияет опыт чтения других классических произведений школьной программы: так, фикрайтеры воспринимают приемы «карнавализации» [Манн, 1996, с. 9] в произведениях Гоголя и Достоевского как гомологичные.

Ещё один гротескный образ, повторяющийся в фанфиках по мотивам «Преступления и наказания», – образ старухи-невесты. Так, в кроссвере «ВодеВий», написанном в соавторстве шестью пользователями (accBest, Милица 8, Без сливок и сахара, Кольм, Шмель Мохнатый, Ван Ди), герои Достоевского и Гоголя выступают как один персонаж (Хома Раскольников, старуха панночка), что приводит к удвоению мотивировок: проверка идеи («Хома оторопел, но потом подумал: «Тварь я дрожащая или право имею???» И возлег с бабушкой») и убийство от страха или «глупости». Мотив любви к старухе (беременность старухи-процентщицы в фанфике «Зарыт топор любви и пахнет гнилью», Верма), заигрывания с чёртом связаны с фольклорным сюжетом о женитьбе героя-плута в фавлю (и более поздняя реализация фарсового сюжета – «Декамерон») или русской сатирической драме, досюльной игре («Пахомушка»).

Одной из устойчивых номинаций Раскольникова или его двойника в фанфиках является слово «дурак»: «Ты совсем дурак?», «Дурак ты, хоть и умный» («Поздний вечер», Чищу_автомат); «Ведь я-то сам, на самом деле, дурак» («Грех перед тобой», Tsesurment); «Ну да, я знаю, ты у нас гордый. Гордый дурак» («Живи свободно», FigRider); «Эх, какой теперь я Разумихин? / Идиотов. Трусов.

Дураков» («К Раскольникову», Душа поэта). Фикрайтеры оценивают идею Раскольникова как «глупость» – спасение «униженных» посредством убийства «твари дрожащей». Обращение фикрайтеров к фольклорному образу дурака позволяет говорить о том, что авторы-читатели распознают народно-карнавальную природу первоисточника, где мир выворачивается наизнанку [Бахтин 2002, Т.6, с. 196].

Мотив смеха повторяется в фанфиках, разрабатывающих сюжет о Раскольнике-«дураке»: «...и смеяться ему захотелось от собственных слов, не видя, а точнее не желая видеть греха в помыслах своих» («Каюсь, грешен!»). В любительских вариантах романа Раскольников осмеивает своих жертв: например, в фанфике «Kill The Story» (Флоу Торн) герой высмеивает жертву перед убийством, в фанфике «Пуговничка» насмеяется над проституткой-Сонечкой. Жертвы Раскольникова также оказываются участниками карнавальная игры: «– Раздеваться или?.. – вопрос звучал глупо, слышался сдавленный смешок» («Пуговничка»). Смех Раскольникова подчинен амбивалентной логике: смех может «смешивать разнородные мотивации» [Аверинцев, 1992, с. 11]. Садистский смех персонажа, глумящегося над жертвой, соответствует одной из его актанных ролей – бесноватого или одержимого. Раздвоение шута-Раскольникова и наделение Разумихина чертами балагура в фанфиках также является следствием гиперболизации смехового начала первоисточника. Например, в фанфике «Глупа наша студенческая жизнь» (youг fetiche.) обыгрывается фамилия «Дмитрия Вразумихина», который выступает в роли наставника Раскольникова; в фанфике «К Раскольникову» (Душа поэта) Раскольников, «буйная головушка», «расколлот сердце» Разумихину. Герои-двойники объединены именно карнавальная функцией, описываются фикрайтером как идентичные друг другу (сравним, например, раздвоение одной фигуры скомороха в «Повести о Фоме и Ереме»).

*Алгоритмы интерпретации романа в русскоязычном и
англоязычном сообществе*

Сопоставление корпуса текстов двух разноязычных фандомов позволяет выделить несколько закономерностей в восприятии русского классического текста. Как в англоязычном, так и в русскоязычном фандоме система персонажей романа Достоевского может изменяться, однако мотивы действий героев совпадают с первоисточником. В случае, когда фикрайтеры профанизируют поступки героев Достоевского, мотивировки персонажей романа легко восстанавливаются из трансформированного текста: например, стремление Разумихина-двойника признаться в любви к Раскольникову отсылает к мотивации героев-идеологов, ведущих диалог в первоисточнике.

В англоязычном фандоме национальные особенности интерпретации романа «Преступление и наказание» прослеживаются в жанровой структуре фанфиков. Так, англоязычные фикрайтеры обращают внимание на идеологию действий героев, которые могут выступать в роли детективов, любовников, путешественников или

безумцев (монстров). Спор рефлексирующих персонажей, их духовные поиски в фанфиках приобретают семантику поступка: усиливаются мотивы разыскания, болезни, соглядатайства, путешествия, связывающие первоисточник с текстами массовой литературы. Такая трансформация подсказана самим романом Достоевского, в котором нарушаются границы между словом, идеей и действием (например, мысли о самоубийстве Свидригайлова маскируются потенциальным, но незавершенным действием – путешествием). Фикрайтеры видят в идеологии деструктивное начало, ведущее либо к самоуничтожению (жертве), либо к убийству. Действующий в рамках идеологии герой не завершает свою инициацию (мотивы нереализованной женитьбы, путешествия, ожидания). Если в русскоязычных фанфиках гиперболизируется «карнавальность» романа, то в англоязычных любительских текстах преобладает традиция дидактической литературы. Например, в пространство романа Достоевского переносится готическая образность и связанная с ней система высоких моральных ценностей: «In the Gothic moral universe, madness is a fitting punishment for the guilty; but it is also the prior cause of evil» («В ценностном мире Готики безумие – должное наказание для преступника, но оно также и первопричина зла») [Mulvey-Roberts, 1998, с. 153]. В восприятии фикрайтеров универсальные мотивы «Преступления и наказания» позволяют рассматривать русскоязычный роман как классику европейской литературы.

Интерпретация романа русскоязычными читателями задается системой персонажей «Преступления и наказания». Фикрайтеры сравнивают несколько классических текстов, используя образы самоубийцы, мечтателя, ребёнка, старухи. Фанатский эксперимент с образностью первоисточника свидетельствует о мифологизации самого стиля Достоевского, который воспринимается при непереводе чтении. Дублируемые из других романов Достоевского образы относятся как к воображаемому миру персонажей (например, сны или галлюцинации), так и к пространству, в котором взаимодействуют идеологи, в том числе и другие герои русской классики. Динамика фантастического и «реального» воплощена в фанфиках с помощью карнавальных образов русского фольклора (образ скомороха, оборотня, старухи-невесты). В мифологизированном фикрайтерами мире Достоевского персонажи-двойники оказываются участниками театрально-площадного действия, а фиктивный читатель, проходящий русскую классику в школе, выступает в роли аканта-адресанта.

Интерактивный опыт чтения-письма и связанные с ним игровые стратегии авторства определяют двойную роль читателя русской классики в интернете: как писателя-любителя и как читателя-исследователя. Анализ трансформаций романа «Преступление и наказание» в англоязычном и русскоязычном фандоме позволяет говорить о рецепции романа Достоевского как художественного произведения, открытого для создания диалогического высказывания в контексте иной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. Бахтин, смех, христианская культура / С.С. Аверинцев // М.М. Бахтин как философ / Ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. – Москва: «Наука», 1992. – С. 7-19.

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6 / Ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили. – Москва: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. – С. 5-300.

Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. Преступление и наказание: Роман / Сост. А. Храмов. – Москва: Мир книги, Литература, 2008. – 464 с.

Книга Фанфиков (сайт-сообщество фанкрайтеров). [Электронный ресурс]. – URL: <https://ficbook.net/> (07.03.2019).

Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю.В. Манн. – Москва: «Coda», 1996. – 474 с.

Роднянская, И. Б. Образ / И.Б. Роднянская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина, Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – Москва: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 669-674.

Самутина, Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н.В. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 137-194.

Хализев, В. Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. / В.Е. Хализев. – Москва: Высшая школа, 2000. – 398 с.

Черняк, М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века / М.А. Черняк // Studi Slavistici. – 2009. – Т. 6. – № 1. – С. 123-140.

Archive of our own. The Organization for Transformative Works (Некоммерческий архив фанфикшн-текстов). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.archiveofourown.org> (16.02.2019).

Barnes, J. L. Fanfiction as imaginary play: What fan-written stories can tell us about the cognitive science of fiction / J.L. Barnes // Poetics. – 2015. – Т. 48. – С. 69-82.

Cawelti, J. G. Adventure, Mystery, and Romance. Formula Stories as Art and Popular Culture / J.G. Cawelti. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1977. – 344 с.

Fanfiction.net (Сайт-архив фанфиков). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fanfiction.net> (16.02.2019).

Jenkins, H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture / H. Jenkins. – New York and London: Routledge, 1992. – 306 с.

Morimoto, L. H., Chin, B. Reimagining the Imagined Community / L.H. Morimoto, B. Chin // Fandom, Second Edition: Identities and Communities in a Mediated World/ Eds. Jonathan Gray, Cornel Sandvoss, C. Lee Harrington. – 2017. – С. 174-188.

Mulvey-Roberts, M. The handbook to Gothic literature / M. Mulvey-Roberts – New York: New York University Press, 1998. – 294 с.

Stein, L., Busse, K. Limit play: Fan authorship between source text, intertext, and context/ L. Stein, K. Busse // Popular Communication. – 2009. – Т. 7. – №. 4. – С. 192-207.

Thomas, B. What Is Fanfiction and Why Are People Saying Such Nice Things about It?? / B. Thomas // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. – 2011. – Т. 3. – С. 1-24.

REFERENCES:

Averincev, S. S. Bahtin_smeħ_hristianskaya kultura / S.S. Averincev // M.M. Bahtin kak filosof / Red. L.A. Gogotishvili, P.S. Gurevich. – Moskva: Nauka, 1992. – С. 7-19.

Bahtin, M. M. Problemi poetiki Dostoevskogo / M.M. Bahtin // Bahtin M.M. Sbranie sochinenii: v 7 t. T. 6 / Red. S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili. – Moskva: Russkie slovari, Yaziki slavyanskoi kulturi, 2002. – S. 5-300.

Chernyak, M. A. Klassika v krivom zerkale massovoi literaturi. K voprosu o tendenciyah rossiiskoi slovesnosti XXI veka / M.A. Chernyak // Studi Slavistici. – 2009. – Т. 6. – №. 1. – С. 123-140.

Dostoevskii, F. M. Sbranie sochinenii: v 12 t. T. 4. Prestuplenie i nakazanie: Roman / Sost. A. Hramkov. – Moskva: Mir knigi, Literatura, 2008. – 464 s.

Halizev, V. E. Teoriya literaturi. Ucheb. 2-e izd. / V.E. Halizev. – Moskva: Visshaya shkola, 2000. – 398 s.

Kniga Fanfikov (sait_soobschestvo fikraiterov). [Elektronniy resurs]. – URL: <https://ficbook.net/> (07.03.2019).

Mann, Yu. V. Poetika Gogolya. Variacii k teme / Yu.V. Mann. – Moskva: «Coda», 1996. – 474 s.

Rodnyanskaya, I. B. Obraz / I.B. Rodnyanskaya // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatii / Pod red. A.N. Nikolyukina, Institut nauch. informacii po obschestvennim naukam RAN. – Moskva: NPK «Intelvak», 2001. – Stb. 669-674.

Samutina, N. V. Velikie chitatelnic, fanfikshn kak forma literaturnogo opita / N.V. Samutina // Sociologicheskoe obozrenie. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 137-194.

Archive of our own. The Organization for Transformative Works (Nekommercheskij arhiv fanfikshn-tekstov). – URL: <https://www.archiveofourown.org> (16.02.2019).

Barnes, J. L. Fanfiction as imaginary play: What fan-written stories can tell us about the cognitive science of fiction / J.L. Barnes // Poetics. – 2015. Т. 48. – С. 69-82.

Cawelti, J.G. Adventure, Mystery, and Romance. Formula Stories as Art and Popular Culture // J.G. Cawelti. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1977. – 344 s.

Fanfiction.net (Sajt-arhiv fanfikov). – URL: <https://www.fanfiction.net> (16.02.2019).

Jenkins, H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture / H. Jenkins. – New York and London: Routledge, 1992. – 306 s.

Morimoto, L. H., Chin, B. Reimagining the Imagined Community / L.H. Morimoto, B. Chin // Fandom, Second Edition: Identities and Communities in a Mediated World/ Eds. Jonathan Gray, Cornel Sandvoss, C. Lee Harrington. – 2017. – S. 174-188.

Mulvey-Roberts, M. The handbook to Gothic literature / M. Mulvey-Roberts – New York: New York University Press, 1998. – 294 s.

Stein, L., Busse, K. Limit play: Fan authorship between source text, intertext, and context/ L. Stein, K. Busse // Popular Communication. – 2009. – №. 4. – S. 192-207.

Thomas, B. What Is Fanfiction and Why Are People Saying Such Nice Things about It?? / B. Thomas //Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. – 2011. T. 3. – S. 1-24.